
© Н.В. ЛАБУНЕЦ, О.И. УСМИНСКИЙ

labunetsn@gmail.com

УДК 811.161.1'28

ФИННО-УГОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В РУССКИХ ГОВОРАХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются историко-контактологические особенности географической лексики тюменских говоров, унаследованной из финно-угорских языков. Специфичными — по отношению к «перенесенным» прибалтийско-финским — являются локальные заимствования, восходящие к обско-угорским языкам. Этимологическая интерпретация локальных финно-угризмов, осуществляемая в работе, учитывает не только данные языков-источников, но и различные ситуации угорско-тюркско-русского взаимодействия, развивающиеся с конца XVI века.

SUMMARY. The article examines historico-contactological characteristics of geographical vocabulary of Tyumen dialects, inherited from Finno-Ugric languages. The local borrowings, with respect to the “transferred” Baltic-Finnish borrowings, are specific to this group and originate from Ob-Ugric languages. Etymological interpretation of local Finno-Ugric words, carried out in this work, takes into consideration not only source language data, but also different situations of Ugric-Turkish-Russian interaction, which have been developing since the end of the XVI century.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русская историческая контактология, говоры, этимология, финно-угорские языки.

KEY WORDS. Russian historical of contactology, dialects, etymology, Finno-Ugric languages.

Русские старожильческие говоры Тюменской области формировались с конца XVI в. в ситуации интенсивного этноязыкового взаимодействия, в том числе и с диалектами хантыйского языка. Историко-этнографические материалы (А.М. Кастрена, С.К. Патканова и др.) свидетельствуют, что еще в XIX в. южные (иртышские) остяки проживали по рр.Иртышу и Демьянке (совр. Уватский район), хотя уже к концу XIX в. на этой территории стала складываться весьма специфичная лингвоэтническая ситуация.

По данным переписи 1868-1869 гг., на указанной территории существовали населенные пункты смешанного типа (Алымка, Уват, Лебаут, Солянка, Луговая Суббота), где русские проживали совместно с хантами [1; 14, 15, 20]. Это привело к ситуации, когда иртышские остяки оказались «подвержены исключительно культурному влиянию русских, и обрусение этого племени в последнее время достигло большого прогресса ... Сильнее всего обрусели иртышские остяки (Таҗат-җах) ... Здесь много деревень, где жители забыли свой родной язык ... остяцкий понимают только люди старшего поколения, в то время как молодежь не знает языка отцов и общается исключительно на русском» [2; 47-48]. Результатом лингвоэтнического взаимодействия остяков и русских, считает

С.К. Патканов, стало появление «смешанного народа», который «относится к осяткам только по названию, а в действительности ни слова не говорит по-осяцки и вообще ничем не отличается от русских» [2; 121].

М.А. Романова, изучая, уже в середине XX в., лингвоэтническое состояние территории Уватского района, описала русское население, которое лишь по семейным преданиям помнит о своем осяцком происхождении. На основании ряда фактов М.А. Романова сделала вывод о том, что уже к середине XVIII в. у иртышских хантов началось «лингвистическое обобщение русского и хантыйского населения», сопровождающееся сменой языка — от хантыйского к русскому, при этом иртышские ханты «через говоренье на русском» передавали складывающимся старожильческим говорам особенности своего родного языка [3].

С историко-контактологической точки зрения описанная выше ситуация может быть охарактеризована как субстратная, соответственно многочисленные обско-угорские включения в русские говоры и топонимию следовало бы рассмотреть в качестве субстрата. Ряд ученых, изучая лингвоэтническую историю других регионов, к субстратным относят и более поздние аналогичные явления, едва ли не сегодняшнего дня. Однако А.К. Матвеев считает, что недавние процессы подобного рода, происходящие относительно быстро, субстратными все-таки не являются, поскольку речь идет скорее о смене одного языка другим, а не о «врастании» одного языка в другой [4]. Действительно, «скорость» языковых изменений, прозрачность этимологических связей с языком-источником свидетельствуют о процессе заимствования. Тем не менее многие заимствования далеко не прозрачны и по своей форме приближаются все-таки к субстратным (возможно, через предшествующее дорусское взаимодействие обско-угорских говоров с тюркскими).

К числу заимствований, имеющих отчетливые этимологические связи с хантыйским языком, относится достаточно большой пласт слов, тематическое содержание которого связано с бытовой лексикой (*гусь* «верхняя одежда, шитая из шкуры мехом наружу», *кеуль* «берестяной ковшичек для питья»), с терминологией охотников, рыбаков (*карус* «сруб, амбарчик в лесу для хранения кедровых шишек и ягод», *лимас* «рыболовный снаряд», *халей* «вид чайки») и т.д. Указанная группа слов, функционирующих в русских говорах Уватского и Тобольского районов, получила широкую интерпретацию в известных работах А.Е. Аикина, Т.Н. Дмитриевой, А.К. Матвеева и др. [4]

В настоящей статье речь пойдет об обско-угорских заимствованиях в народной географической терминологии (обозначения рек, озер, болот, участков леса и т.д.), известных в старожильческих говорах Вагайского района (в зоне уватско-вагайского пограничья). Судя по историческим источникам, на этой территории ханты не проживали уже в XIX в., но о былом пребывании здесь хантыйского населения свидетельствуют топонимы (гидронимы), в составе которых регулярно фиксируются детерминативы (ср. *тау* «озеро» < *Ориштау*, *Колотау* и др.), соотносящиеся с лексикой южных (иртышских) хантов, описанной в лексикографических работах С.К. Патканова [5].

Некоторые термины, бытующие в вагайских говорах, относятся к терминам широкого урало-сибирского распространения, поэтому получили интерпретацию в научной литературе: *куях*, *пошвор*, *сор* и др. [6]. Однако термины локального

распространения не получили еще соответствующего описания, хотя и находятся в центре внимания исследователей.

Народная географическая терминология как манифестант ситуации языкового контакта отражает различные аспекты лингвоэтнического взаимодействия, поэтому ее этимологическая интерпретация должна включать уровень заимствования, а также возможные субстратные напластования. Историко-контактологический анализ, основанный на этимологическом, учитывающем историко-географические, этнокультурные обстоятельства, стратификационный подход к ситуации языкового контакта, направлен на реконструкцию не только исходного этимона, но и условий вхождения иноязычного слова в русские говоры.

В аспекте историко-контактологического изучения интерес представляют локальные сибиризмы, не засвидетельствованные на других территориях. К числу локализованных относится географический термин *начибей*. В русских старожильческих говорах исследуемого региона термин *начиб'ей* (с вариантами *начаб'а*, *начиб'ай*, *начиб'ий*) известен с общим значением «большое болото; большая поляна, сухой безлесный участок в болоте; сухой, твердый участок берега реки, озера».

Укажем, что в значении тельмографического термина присутствуют две не связанные между собой основные семы: «большой» и «сухой безлесный». Ср.: «Все болота большие такие начибеем зовут, а маленькие – по-разному», «Начибей – чистое, пустое место, чистина, почему-то ничего нет: ни клюквенника, ни ряма, ничего. Говорят даже: «Да там чисто, как в начибее». Сема «сухой твердый», дифференцирующая третье значение, по-видимому, вторична: «сухой безлесный участок в болоте → сухой, твердый участок на (заболоченном) берегу реки, озера». Сосуществование двух основных значений — «большое болото» (большие болота исследуемой территории включают лесные массивы) и «сухой безлесный участок в болоте» — в рамках одного этимологического гнезда остается неясным. Но это может свидетельствовать об изначальной гетерогенности входящих в него слов.

О хронологической глубине слова *начибай* свидетельствует его употребление в документах Тобольского госархива в качестве топонима под 1735 г. Совр. топоним *Начиб'а / Начаб'а / Начаб'ай*, в соответствии с историческим, обозначает большое протяженное болото, расположенное в верховьях рек Супра и Малый Туртас на правобережье Иртыша. Топоним зафиксирован нами в начале 80-х гг. XX в. и в русской речи вагайских татар. При этом русский геотермин *начибей*, *начибий*, исторический топоним *Начибай*, татарский гелоним *Начиба*, *Начабай* свидетельствуются на территории наиболее раннего появления русских в Сибири, когда этноязыковые контакты были особенно интенсивны.

Историко-контактологическая интерпретация термина может основываться на нескольких версиях, соотносящихся с разными языками, участвующими в контакте: русским, сибирско-татарским, хантыйским (иртышский диалект). Изучение материала показало, что наиболее приемлема угорская версия. Имеются исторические и топонимические факты, свидетельствующие о том, что на территории, где фиксируются производные от *начиб-*, в дорусский период проживали обские угры. В этой связи актуальной представляется угорская этимология данного слова. Исходной в этом случае следует считать русскую форму *начибей / начибий*, тогда как формы *Начабай / Начиба* воспринимают-

ся как вторичные, возникшие уже на тюркской почве в связи с народно-этимологическим переосмыслением. В этом случае в структуре географического термина вычленяются основа *нача-/наче-/начи* + финальный формант *-бай/-най/-бей*. Но и в этом случае толкование термина может связываться с различными хантыйскими основами и детерминативами. Ср.: *начи-/наче-* со значением хант. «пихта» (где *-бай* < тюрк. «богатый, изобилующий» или хант. *raj* «остров, холм»). С учетом контаминации тюркских и хантыйских элементов реконструируется исходное хант.-тюрк. значение «пихтовый остров в болоте». Метонимические расширения в вагайских говорах впоследствии привели к значению «большое болото».

Второе значение русского термина логично связывать с другим хантыйским термином *пӧлӧ, пӧлӧ* «ржавчина, вещество цвета ржавчины, скапливающееся у берегов рек» (Н.И. Терешкин считает, что это может быть нефть, просачивающаяся из-под земли) [7]. Указанная интерпретация рус. *начи-(бай)* как «остров, место, где скапливается вещество цвета ржавчины, т.е. нефть» вполне допустима, если вспомнить, что именно в этих районах обнаружены залежи нефти и начата их промышленная разработка. Таким образом, другое значение русского слова *начибей* «сухой чистый участок болота, на котором ничего не растет», объясняется геоусловиями: залеганием нефти (ср. близкий к фразеологическому оборот, встречающийся в тюменских говорах: «*чисто, как в начибее*»).

Проведенное исследование показало, что русские старожильческие говоры Тюменской области (вагайские в том числе) сохранили пласт географической терминологии, восходящей к языку иртышских хантов. Однако исторические судьбы заимствований различны. Испытывая адаптирующее воздействие как со стороны русских, так и тюркских говоров региона, обско-угорские вхождения подверглись значительным трансформациям, идущим в направлении забвения исконных слов. Использование специальных историко-контактологических методов и приемов позволяет восстановить утрачивающиеся звенья лексической системы, способствуя надежности этимологических реконструкций не только на лексическом, но и топонимическом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868-1869 годов. Тобольская губерния / Обработан Зверинским В. СПб., 1871.
2. Патканов С.К. Сочинения в двух томах. Т. II. Очерк колонизации Сибири. Тюмень: Мандр и к^о, 1999.
3. Романова М.А., Светлова В.Н., Лецкий М.А. Русские говоры Зауралья: Учебное пособие. Тюмень: Тюмен. пед.ин-т., 1971.
4. Матвеев А.К. Ономастология. М.: Наука: Отделение ист.-филол. наук РАН, 2006.
5. Patkanov S. Irtisi-osztják szöjegyék. Vocabularium dialecti ostjakorum regionis fluvii Irtysch. Budapest: Kijá a magyar tudományos akadémiá, 1902.
6. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск: Наука, 2000.
7. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981.